МИР 05.05.2020 | Нуриэль Рубини

Это – не «золотые двадцатые»

Десять тенденций, ведущих мир в «Очень великую депрессию» 2020-х годов

После финансового кризиса 2007-2009 годов дисбалансы и риски, которыми была полна мировая экономика, усугублялись политическими ошибками. Правительства не занимались устранением структурных проблем, обнаружившихся во время финансового краха и дальнейшей рецессии. Они откладывали необходимые решения, создавая серьезные негативные риски, которые сделали новый кризис неизбежным. Теперь, когда кризис начался, существовавшие угрозы только обострились. К сожалению, даже если нынешняя «Очень великая рецессия» приведет к слабому, U-образному восстановлению экономики уже в этом году, за ней последует резкий обвал L-образной «Очень великой депрессии» в ближайшем десятилетии. Ее причиной станут десять зловещих, рискованных трендов.

Первый тренд касается дефицита бюджетов и сопутствующих рисков – долги и дефолты. В ответ на кризис, вызванный Covid-19, правительства принимают решения, которые требуют колоссального роста дефицита бюджетов (порядка 10% ВВП или выше), причем ровно в тот момент, когда во многих странах госдолг уже достиг высоких или даже непосильных уровней.

Хуже того, потеря доходов многими домохозяйствами и компаниями означает, что долг частного сектора также станет непосильным, что потенциально приведет к массовым дефолтам и банкротствам. В сочетании с быстрым ростом госдолга это практически гарантирует, что на этот раз восстановление экономики окажется даже более анемичным, чем восстановление после Великой рецессии десять лет назад.

Второй фактор – демографическая бомба замедленного действия в развитых странах. Кризис, вызванный Covid-19, показал, что в системы здравоохранения надо направлять намного больше бюджетных средств, а всеобщий доступ к услугам здравоохранения и другим важным общественным благам являются необходимостью, а

не роскошью. Но большинство развитых стран – это стареющие общества, поэтому финансирование подобных расходов в будущем лишь увеличит скрытые долги недофинансируемых сегодня систем здравоохранения и социального страхования.

Третья проблема – повышение риска дефляции. Нынешний кризис не только вызвал глубокую рецессию, но и привел к появлению огромных излишков на рынке товаров (неиспользуемые машины и мощности) и труда (массовая безработица), а также к краху цен на сырьевые товары, такие как нефть и промышленные металлы. Этот делает вероятной дефляцию долга, что увеличивает риски неплатежеспособности.

Четвертый (связанный с предыдущим) фактор – снижение стоимости валюты. Центральные банки будут пытаться бороться с дефляцией и стараться не допустить резкого роста процентных ставок (из-за колоссального увеличения долга), поэтому монетарная политика будет становиться все более нетрадиционной и чреватой серьезными последствиями. В краткосрочной перспективе, ради предотвращения депрессии и дефляции, правительствам понадобится монетизация бюджетного дефицита. Однако со временем постоянные негативные шоки на стороне рыночного предложения, вызванные ускорением деглобализации и возобновлением политики протекционизма, сделают стагфляцию практически неизбежной.

Пятая проблема – широкие и радикальные цифровые изменения в экономике. В условиях, когда миллионы людей будут терять свои рабочие места или работать и зарабатывать меньше, разрыв в размерах доходов и богатства в экономике XXI века будет только увеличиваться. Для защиты от будущих шоков в производственных цепочках компании в развитых странах будут возвращать свое производство из регионов с низкими издержками в свои страны, где издержки выше. Но этот тренд не пойдет на пользу работникам в этих странах, а ускорит темпы автоматизации, создав понижающее давление на зарплаты и еще сильнее разжигая огонь популизма, национализма и ксенофобии.

И здесь мы подходим к шестому крупному фактору – деглобализация. Пандемия ускоряет тенденции балканизации и фрагментации, которые были уже очевидны. Процесс разрыва связей между США и Китаем ускорится, а большинство стран отреагируют на это усилением протекционистских мер с целью защитить собственные компании и работников от сбоев в глобальной системе. После пандемии мир будет характеризоваться ужесточением

ограничений на передвижение товаров, услуг, капитала, труда, технологий, данных и информации. Это уже происходит в таких секторах, как фармацевтика, производство медицинских материалов и оборудования, а также продовольствия: в ответ на кризис правительства ограничивают экспорт продукции этих отраслей и принимают другие протекционистские меры.

Этот тренд будет усиливаться недовольством демократией. Лидерам-популистам обычно идет на пользу слабость экономики, массовая безработица и рост неравенства. В условиях возросшей экономической нестабильности появится мощный импульс объявить иностранцев виновниками кризиса. Как рабочие, так и широкие слои среднего класса окажутся более податливы к риторике популистов, особенно к их предложениям ограничить миграцию и внешнюю торговлю.

И здесь мы подходим к восьмому фактору: геостратегическое противостояние между США и Китаем. Поскольку администрация Трампа прилагает все усилия, чтобы свалить на Китай вину за пандемию, режим председателя КНР Си Цзиньпина будет еще активней заявлять о том, что Америка строит заговор с целью не допустить мирного подъема Китая. Разрыв китайско-американских связей в сфере торговли, технологий, инвестиций, данных, а также монетарных отношений будет нарастать.

Хуже того, дипломатический разрыв создаст условия для начала новой холодной войны между США и их противниками, причем не только Китаем, но и Россией, Ираном и Северной Кореей. Поскольку в США приближаются президентские выборы, есть все основания ожидать всплеска тайных, боевых кибероперaций, которые потенциально могут даже привести к обычным военным стычкам. А поскольку технологии – это ключевое оружие в борьбе за контроль над отраслями будущего (и в борьбе с пандемией), частный технологический сектор США будет все сильнее интегрироваться в промышленный комплекс национальной безопасности.

Последний риск, который нельзя игнорировать: экологические изменения, которые, как показывает кризис Covid-19, могут вызвать даже больший экономический хаос, чем это сделал финансовый кризис. Регулярно повторяющиеся эпидемии (ВИЧ с 1980-х годов, SARS в 2003-м, грипп H1N1 в 2009-м, MERS в 2011-м и Эбола в 2014-16 годах) являются, как и изменение климата, по своей сути, рукотворными катастрофами: они порождаются низкими медицинскими и санитарными стандартами, злоупотреблением природными системами, а также возросшей взаимосвязанностью в

глобализированном мире. В предстоящие годы пандемии и многие паталогические симптомы изменения климата будут становиться более частыми, тяжелыми и дорогостоящими.

Эти десять рисков были хорошо видны еще до пандемии Covid-19, а теперь они угрожают идеальным штормом, который отправит всю мировую экономику в десятилетие отчаяния. К 2030-м годам технологии и более компетентное политическое лидерство, возможно, позволят уменьшить, устранить или минимизировать многие из этих проблем, открыв путь к более инклюзивному и стабильному международному порядку, опирающемуся на сотрудничество. Но такой счастливый конец предполагает, что сначала мы должны понять, как нам пережить предстоящую «Очень великую депрессию».

(c) Project Syndicate

Нуриэль Рубини
Нью-Йорк

Нуриэль Рубини (Nouriel Roubini) — профессор экономики Школы бизнеса Штерна при Нью-Йоркском университете и председатель Roubini Macro Associates, был старшим экономистом по международным делам в Совете экономических советников Белого дома в администрации Клинтона. Работал в Международном валютном фонде, Федеральной резервной системе США и Всемирном банке.